

УДК 94

**К.С. Шакрыл и вопросы национально-освободительного движения
абхазского народа****А.Ф. Авидзба***Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа,
г. Сухум, Абхазия*

Аннотация: В статье раскрываются вопросы национально-освободительного движения абхазского народа. Автор говорит о культурных и языковых преобразованиях в Абхазии, которые вели к катастрофическим последствиям для абхазского народа, особенно в плане преподавания в школах, о проблемах для развития абхазской интеллигенции и потери национально-культурной идентичности у молодежи. В исследовании также затрагиваются вопросы переселения греков, турок и других народов и заселения на их место грузин, о репрессиях по отношению к народам, проживающим на территории Абхазии.

В работе раскрывается понятие «абхазские письма», как составная часть национально-освободительного движения абхазского народа XX века. Особое внимание уделено первому письму, авторами которого были К. Шакрыл, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария. Отправляя его в 1947 г. в Москву в ЦК ВКП(б), раскрывая в нем притеснения, которым подвергается абхазский народ, они понимали, что фактически подписывают себе приговор и обрекают себя на репрессии, но, тем не менее, идут на этот шаг. В статье описывается их дальнейшая судьба и трудности, с которыми им пришлось столкнуться.

Ключевые слова: Абхазия; национально-освободительное движение; «абхазские письма»; репрессии; К. Шакрыл; Б. Шинкуба; Г. Дзидзария; языковая реформа.

Для цитирования: Авидзба А.Ф. К.С. Шакрыл и вопросы национально-освободительного движения абхазского народа // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. № 3 (9) С. 18-28.

K. S. Shakryl and issues of the national liberation movement of the Abkhaz people**Aslan F. Avidzba***D.I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Research,
Sukhum, Abkhazia*

Abstract: The article reveals the issues of the national liberation movement of the Abkhaz people. The author describes cultural and linguistic transformations in Abkhazia, which led to disastrous consequences for the Abkhaz people, especially in terms of teaching in schools, and the problems for the development of the Abkhaz intelligentsia and the loss of national and cultural identity among young people. The article also touches upon the issues of resettlement of Greeks, Turks and other peoples and the settling of Georgians in their place, about repressions against the peoples living in the territory of Abkhazia.

The work reveals the concept of "Abkhaz letters" as an integral part of the national liberation movement of the Abkhaz people of the XX century. Special attention is paid to the first letter, the authors of which were K. Shakryl, B. Shinkuba and G. Dzidzaria. Sending it in 1947 to Moscow to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, revealing in it the oppression to which the Abkhaz people are subjected, they understood that in fact they were signing a verdict for themselves and dooming themselves to repression, but nevertheless they took this step. The article describes their further fate and the difficulties they had to face.

Key words: Abkhazia; national liberation movement; "Abkhaz letters"; repression; K. Shakryl; B. Shinkuba; G. Dzidzaria; language reform.

For citation: Avidzba A. F. K. S. Shakryl and issues of the national liberation movement of the Abkhaz people // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 3 (9) P. 18-28.

В абхазской историографии за последние десятилетия утвердился термин «Абхазские письма», которые являются составной частью национально-освободительного движения абхазского народа 20 века. Требования «абхазских писем» в зависимости от исторического контекста и времени их написания менялись, но их объединяли вопросы сохранения национальной идентичности и абхазской государственности.

В. Ардзинба в выступлении на Первом Съезде народных депутатов СССР

2 июня 1989 г. подчеркивал: «В истории абхазского народа 1937-1953 годы стали периодом, когда стоял вопрос о ликвидации народа как такового» (*Эпоха Ардзинба, 2009*). В связи с этим интересно мнение грузинского историка Г. Лежава, который пишет: «Языково-культурные преобразования в Абхазии, проводимые с 1937 г по 1953 г., опирались на теоретические построения сталинской школы в языкознании, а критики этих преобразований, напротив, апеллировали к марровскому «Новому учению о языке» (*Лежава, 1997*).

Однако тогда речь шла не только о культурных и языковых преобразованиях в Абхазии. В названном выступлении В. Ардзинба далее говорилось: «Была обезглавлена нация: уничтожены все виднейшие государственные и партийные лидеры Абхазии, и практически вся интеллигенция. Массовым репрессиям подверглось крестьянство. С 1940 года абхазский народ перестали называть «абхазским народом». С 1941 года прекратились радиопередачи на абхазском языке. В 1945-1946 годах были закрыты абхазские школы, и преподаватели остались вне школ. Абхазцев практически не стало в руководящих партийных и советских органах. Было начато массовое насильственное переселение в Абхазию. На переселение тратились огромные средства, оно не прекращалось даже в тяжелые 1941-1942 годы. Из Абхазии были выселены греки, турки и другие народы, а их дома переданы переселенцам из районов Грузии. За счет такого искусственного прироста абхазцы оказались в меньшинстве на своей древней родине. Подверглись изменениям исконные названия населенных пунктов в Абхазии. О серьезных нарушениях в области национальной политики по отношению к абхазскому народу говорилось в коллективных и личных письмах, с которыми обращались в центральные партийные и советские органы представители различных слоев абхазского народа – интеллигенции, рабочего класса и крестьянства в 1947, 1957, 1967, 1978, 1988 годах» (*Эпоха Ардзинба, 2009*).

Действительно, история «Абхазских писем» ведется с 1947 г., когда представителями абхазской интеллигенции – К. Шакрыл, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария, – было подготовлено и послано в Москву, в высшие партийные органы, письмо с изложением фактов ущемления и притеснения абхазского народа.

Ситуацию, сложившуюся перед появлением «Абхазского письма» 1947 г. К. Шакрыл характеризует как национально-культурный геноцид, осуществлявшийся Грузией в отношении абхазского народа (*Шьакрыл, 1991*).

О возникновении идеи написания письма и воплощении ее в жизнь рассказывает в своих воспоминаниях К. Шакрыл. Он, Б. Шинкуба и Г. Дзидзария были очень близкими друзьями и работали вместе. Часто они обсуждали систематические нарушения национальной политики в Абхазии и были уверены, что об этих искривлениях в ЦК ВКП(б) не знали. Поэтому посоветовавшись, решили написать в ЦК ВКП(б) обо всем, что здесь происходило. С учетом того режима в Абхазии, это решение было самопожертвованием, безусловно, их могли и расстрелять – заключил К. Шакрыл (*Шьакрыл, 1991*). Но это их не остановило.

К. Шакрыл был близким другом известного советского лингвиста, профессора Г. П. Сердюченко. Так совпало, что Константин Семенович тогда был в командировке в Москве, во время которой он встретился со своим другом, которому рассказал о письме в ЦК ВКП(б). Московский лингвист поддержал идею письма, но не скрыл и об опасности, связанной с таким шагом. Г. Сердюченко был хорошо знаком с секретарем ЦК ВКП(б) А. Кузнецовым, и посоветовал адресовать «абхазское письмо» именно ему.

Здесь следует сказать, что личность Г. Сердюченко очень интересовала секретаря ЦК КП Грузии П. Шария, присланного тогда из Грузии «образумить» авторов письма.

– Кто такой Сердюченко? – спросил «высокий гость» во время беседы с авто-

рами письма 5 августа 1947 г. в Абхазском обкоме

– Сердюченко Георгий Петрович – ученый, языковед, член-корр. Академии педагогических наук СССР. У нас есть общие научные интересы. Встречаемся. Я бываю в Москве, он приезжает в Абхазию. Но никакой группы у нас нет – ответил К. Шакрыл.

– Вы думаете, я вам поверил? – то ли сострил, то ли пригрозил тогда П. Шария (*Шьякрыл, 1991*).

Вслед за К. Шакрыл тогда в Москву в командировку ездил Г. Дзидзария, который, в свою очередь, встретился со своим другом, сотрудником аппарата ЦК, и сообщил о планах направить письмо в ЦК. «Это очень опасно, могут и расстрелять, но стоит решиться, напишите» – посоветовал тот (*Шьякрыл, 1991*).

Окончательный текст самого письма был подготовлен и подписан 2 февраля 1947 года. Но проблема в том, что документ с таким содержанием нельзя посылать почтой – перехватили бы, никому также не поручишь. Поэтому нужно было кому-то из его авторов доставить его адресату. Случилось так, что Б. Шинкуба нужно было поехать в Москву, который и повез секретно письмо. Там он нашел Г. Сердюченко и ознакомил его с текстом. Последний добавил небольшое сопроводительное письмо, и оно было сдано во внутреннюю почту ЦК (*Шьякрыл, 1991*). Это было 5 апреля 1947 г. (*Лежава, 1997*).

В последующих письмах и обращениях абхазского народа неизменно делалась ссылка на это первое историческое письмо. В частности, Е. и Т. Шакрыл в письме Сталину от 11 октября 1952 г. отмечали: «Очень просим Вас не посылать наше заявление в Грузию, поскольку нам известно, что посылавшийся в Грузию подобные заявления никогда не приводили к положительным результатам, а посылавшие такие заявления в ЦК ВКП(б) подвергались затем репрессиям со стороны грузинских центральных организаций» (*Абхазские письма, 1994*). Имелись в виду письмо 1947 года и его авторы.

В письме «ста тридцати» высшему руководству Советского государства от 10 декабря 1977 г. было сказано: «Выражением гнева и возмущения народа, вызванных этим антиабхазским действием бериевщины (закрытие абхазских школ – А. А.) явилось, в частности, письмо в ЦК КПСС, написанное в 1947 году и подписанное представителями абхазской интеллигенции: Б.В. Шинкуба, Г. Дзидзария и К.С. Шакрыл» (*Абхазские письма, 1994*).

В приложении к письму 19 Всесоюзной партийной конференции, в т. н. «письме шестидесяти», составленном летом 1988 г. говорилось: «Вопрос о бедственном положении, в котором оказались абхазские школы в результате их перевода на грузинский язык обучения, был поставлен в 1947 году перед ЦК КПСС видными представителями абхазской интеллигенции: Б.В. Шинкуба, Г. Дзидзария и К.С. Шакрыл» (*Абхазские письма, 1994*).

Авторы письма ждали ответа на свое письмо, но он так и не последовал из Москвы. Как К. С. Шакрыл пишет: «Берия, оказывается, к тому времени выстроил такую систему, что все письма такого содержания сначала попадали в его руки» (*Шьякрыл, 1991*). Рассматриваемое письмо также сначала попало к нему. Фактически это подтверждает и Г. Лежава, который сообщает следующее: «Письмо было направлено на заключение зав. отделом науки 6 июня, т. е. оно не менее двух месяцев находилось в распоряжении секретариата А.А. Кузнецова. И с этим письмом могли ознакомиться и другие секретари, и члены Политбюро ЦК ВКП(б), не исключая Сталина и Берия. Возможно, они и обговорили, как это бывало, вариант изучения фактов, изложенных в письме, а после оно было передано Г. Александрову на заключение. По рекомендации Александрова оно было направлено в ЦК КП Грузии». Затем названный автор, оправдывая только что описанную им процедуру, вопрошает: «Спрашивается, разве

такая практика не продолжалась и после марта 1953 г.» (*Лежава, 1997*).

Г. Лежава задает этот вопрос, будто не понимая, что такая практика, когда бы она не проводилась, независимо, до или после 1953 г., является несправедливой по отношению к абхазам. Ибо сам факт игнорирования писем и обращений представителей абхазского народа Москвой и возвращения их для разбирательств в Тбилиси создавал условия не для выяснения фактов, изолгавшихся в письмах, а скорее для избиения их авторов. Эта практика ставила в полную зависимость от Тбилиси абхазов, которые должны были стать лишь удобением для облагораживания грузинской нации. Причем это делалось неприкрыто по факту и под громогласными заявлениями о дружбе народов.

Позволительно спросить: Разве такая практика не является порочной?

Правда далее к чести Г. Лежава, он пишет следующее: «Надо признать нелогичность такого порядка разбирательств спорных вопросов, тем более вопросов, касающихся межнациональных отношений». Но при этом оговаривается: «Но, видимо приходится считаться и со второй стороной вопроса: недовольством руководителей союзных республик нарушением своих элементарных суверенных прав» (*Лежава, 1997*). В рассматриваемое время вряд ли это может быть аргументом в пользу того, что письмо вернули в Грузию. Ведь тогда речь шла о взаимоотношениях внутри жестко регламентированной тоталитарной иерархии, основой которой являлся культ «отца всех народов». В этих условиях говорить о том, что приходилось считаться с мнением руководителей республик – смешно. Правда тогдашняя Москва, как и Тбилиси, в нужное время ехидно прикрываясь от ответственности и издеваясь над действительностью, ссылаясь на решения и пожелания нижестоящих органов.

Итак, письмо переслали в Тбилиси. 17 июля Бюро ЦК КП Грузии приняло решение о проверке фактов, изложенных в нем, а уже 8 августа секретарь ЦК КП(б) П.А. Шария доложил о результатах. Эта «оперативность, проявленная при изучении дела», по мнению Г. Лежава, свидетельствует о принципиальном значении, которое придавалось этому вопросу в ЦК ВКП(б) (*Лежава, 1997*). Другой грузинский автор З. Папаскири сообщает, что «изучив состояние дел на месте, П.А. Шария составил докладную записку на имя первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Кандида Чарквиани, в которой опровергались обвинения в адрес Абхазобкома и ЦК КП(б) Грузии» (*Папаскири, 2010*).

О методах составления этой докладной рассказывает Лежава: «...Шария выехал в Абхазию, побывал в Сухуми, Гудаутском и Очамчирском районах. В Гудауте и Очамчире он имел беседу с работниками райкомов партии, с председельсовета с. Дурипш Цкан Я.Д. (чл. ВКП(б), председателем колхоза того же села Ардзинба Г., с колхозником-стахановцем Темуром Тарба. В связи с летними каникулами побывать в школах ему не удалось. «Все указанные товарищи выражали удовлетворение по поводу проведенных мероприятий» – пишет П. Шария в докладной записке на имя первого секретаря ЦК КП Грузии Чарквиани. Эта двенадцатистраничная записка посвящена опровержению обвинений в адрес ЦК КП Грузии со стороны Дзидзария, Шинкуба и Шакрыл» (*Лежава, 1997*).

Причем сам Г. Лежава прекрасно знает, какие были настроения у абхазов по поводу проводившихся тогда мероприятий, ибо их беспрестанно фиксировали грузинские спецслужбы. Эти недовольства усилились после закрытия абхазских школ. Здесь Лежава изображает из себя наивного человека, который доверяет всему тому, что тогда писалась в докладных записках по поводу состояния дел в Абхазии. В документах, предназначенных для широкого круга и Москвы, писалось то, что нужно было, а не то, что происходило на самом деле. Эти документы никакой ответственности перед правдой не несли, ибо составлялись в виде формальной отписки о выполнен-

ной работе.

П. Шария не считал нужным никаким образом отразить в своей докладной записке следующий факт.

– Если в Абхазии такие нарушения, то почему их кроме вас никто не видит? Вы что самые прозорливые? – многозначительно спрашивал он авторов письма во время встречи с ними в обкоме 5 августа.

– Это видно и слепому. Видят многие, но боятся высказать свое мнение вслух. – Ответили ему.

– Значит только вы трое герои? – раздраженно отреагировал фразой-вопросом Шария тогда (*Шьякрыл, 1991*).

А во время своих «поисков» информации для своей докладной записки «не нашел» никого, кто бы так думал.

П. Шария был прислан тогда в Абхазию, чтоб доказать безупречность грузинского ЦК перед лицом ЦК ВКП(б). В названной докладной не могло быть ничего кроме опровержения обвинения в адрес ЦК КП Грузии, ибо изначально было ясно какой ответ будет получен после того как разбирательство фактов, изложенных в письме, было возложено на ЦК КП Грузии. Уже в силу этого, всякие упражнения и «размышления» по поводу того, что Москва требовала правды, не выдерживают никакой критики.

Если бы в Москве хотели разобраться в ситуации, то прислали бы проверку именно оттуда, куда обращались авторы письма, ибо в нем они критиковали грузинскую парторганизацию. Этот факт умалчивается современными грузинскими авторами, которые по очень странному стечению обстоятельств в этом вопросе становятся полными и безоговорочными единомышленниками коммунистических функционеров Грузии сталинского периода, при этом в остальное время называя себя демократами и клеймя советский режим оккупационным. Отрицая и даже порицая большевизм, коммунизм, да и вообще все, что делалось в советское время в Грузии во всех остальных областях, одновременно они поддерживают, более того восхваляют и стараются подкрепить дополнительной аргументацией политику насильственной ассимиляции абхазов, проводившейся Грузией в период советской власти.

5 августа 1947 г. в присутствии Председателя ВС Абхазии М. Делба и первого секретаря Абхазского обкома И. Мгеладзе в Обкоме партии состоялся разговор П. Шария с авторами письма:

– Вы и сегодня согласны с тем, что написано в письме? – спросил он их.

– Мы считаем, что написали правду. И до сих пор нет никаких изменений. – Ответил один из них.

В ходе дальнейшего разговора, после очередной долгой паузы, Шария вдруг заявил:

– Такие кадры, как вы, нужны не только для Абхазии, но и для всей республики. Не хочу портить ваши дела. Вы поторопились, с кем не бывает – попросите прощения, и все встанет на свои места.

Но ему ответили, что об этом даже говорить бессмысленно. После этого, в разговор вступил М. Делба, который по-абхазски в довольно грубой форме предложил авторам письма согласиться на предложение П. Шария. Последний, в свою очередь, также убедившись, что по-хорошему не получится, стал пугать: «Если не согласитесь, будет плохо».

– Вы слышали, что от вас требуется, хорошо подумайте. Вы до сих пор не осознаете своего заблуждения. Идите, и принести документ о том, что вы ошиблись. Сами не портите себе жизнь. – Советовал вступивший в разговор А. Мгеладзе (*Шьякрыл, 1991*).

Хотя авторы письма ответили отказом, им все же дали сутки на обдумывание.

На второй день они пришли в Обком с этим же мнением и тогда им в довольно грубой форме предложили прибыть «на ковер» в Тбилиси. В Тбилиси на бюро особо интересовались тем, кто надоумил их написать письмо в ЦК ВКП(б) и, кто кроме них входит в их группу. Сам факт обращения был расценен как тяжелое преступление. Им был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку с формулировкой «За попытку дезинформации ЦК ВКП(б) и клевету на абхазскую партийную организацию». Причем, у К.С. Шакрыл прямо на заседании бюро был отобран партийный билет и исключен из ЦК ВКП(б), что означало по сути смертный приговор. Не зря он и его друзья прощались друг с другом, когда поздно ночью его вторично вызвали, они думали, что его арестовывают, но оказалась К. Шакрыл позвали, чтобы вернуть ему партийный билет.

По истечении большого количества времени и событий П. Шария, к тому времени уже отбывший десятилетний приговор, утверждал, что поздней ночью 8 августа 1947 г. К. Шакрыл вернули партийный билет по его настоянию. Интересно, что менее чем через год после судилища над авторами абхазского письма, сам их «судья» оказался объектом обсуждения на бюро Грузинского ЦК. Ему тогда инкриминировалось, что «Шария П. А. в 1943 году, в связи со смертью сына (умер от туберкулеза) написал идеологически вредное произведение в стихах, проникнутое глубоким пессимизмом и религиозно-мистическими настроениями». Неизвестно, что стало причиной того, что про «мистические» и «не правильные» стихи вспомнили только через пять лет после их публикации, но Бюро ЦК КП(б) Грузии осудило издание «идеологически вредной книжки в стихах» Шария, постановило снять его с работы секретаря ЦК КП(б) Грузии по пропаганде и вместе с тем направило его на преподавательскую работу. Этим решением очень был недоволен, уже правда задним числом, В.М. Молотов в своем выступлении на пленуме ЦК КПСС 2 июля 1953 г., считая его излишним мягким. Дело в том, что П. Шария является фактическим автором, изданной под фамилией Л. Берия книги «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (Берия, 1936) и в силу этого «Берия особенно покровительствовал и, видимо, считал его своим идеологическим вдохновителем» и «вплоть до ареста Берия этот самый Шария работал в его секретариате и был его помощником по идеологическим вопросам» (*Пленум ЦК КПСС, 1953*). Но тогда до этих событий, было, казалось бы, далеко...

Что касается дальнейшей судьбы авторов письма 1947 г., то они долгое время, вплоть до смерти Сталина, подвергались гонениям, и делалось все для их дискредитации. Они постоянно обвинялись в «буржуазном национализме» и «фашизме», что по тем временам было равносильно ярлыку «враг народа».

Между тем, по-видимому, главным преступлением авторов считали даже не то, что они были не довольны ассимиляторской политикой Тбилиси по отношению к абхазам, а то, что они осмелились написать об этом в Москву, ревностное отношение к которой у тбилисских стратегов сложилось еще во времена царской России. К.С. Шакрыл уже будучи в Москве, фактически изгнанный из Абхазии, в 1950 г. в письме к Меленкову писал: «В беседе со мной по поводу моего письма в ЦК ВКП(б) А.И. Мгеладзе заявил: «Что вы (имеется в виду абхазы) имеете общего с русскими и с русским языком? Вы должны смотреть не на Москву, а на Тбилиси, вы имеете общность не с русскими, а с грузинами» (*Лежава, 1997*).

В частности, секретарь Абхазского обкома Тускадзе также был возмущен: «Они хотели оторвать историю и культуру абхазов от родной почвы общенациональной истории, и культуры Грузии. Я в своей работе по идеологическим вопросам, в частности по истории Абхазии и абхазов исходил из следующего положения: абхазы являются грузинским племенем, как и менгрельцы и сваны и на всем протяжении своей

истории были неотъемлемой частью грузинского народа; во-вторых, Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но по своему национальному составу» (*Лежава, 1997*). По-видимому, тогдашние чиновники пользовались одной и той же терминологией. В том же самом и в тех же выражениях обвинял авторов письма, и Председатель Верховного Совета Абхазии М. Делба (*Делба, 1951*).

22 и 26 июля 1949 г. Г. Сердюченко обратился с письмами к главному ученому секретарю АН СССР академику А. Топчиеву. В ней он поддержал авторов письма и осуждал позицию и поведение секретаря Шария (*Лежава, 1997*). В одном из названных писем говорилось: «По непроверенным еще данным во многих школах Абхазии прекращается сейчас и преподавание абхазского языка, как одного из школьных предметов.... Дискредитация (авторов письма) продолжается и по настоящее время» (*Лежава, 1997*).

С нового учебного года с сентября 1949 г. Г. Дзидзария был отстранен от работы преподавателем Сухумского государственного пединститута: «выражено политическое недоверие», как он сам писал в письме Мгеладзе от 18 октября 1949 г. (*Дзидзария, 2006*). Два раза, 12 октября 1949 г. и 9 марта 1950 г., директор института Р. Цулукидзе прислал уведомление о необходимости освободить занимаемую им жилплощадь в общежитии лекторов (*Дзидзария, 2006*).

Однако, судя по всему, тогда главным возмутителем спокойствия в Тбилиси, и его адептами в Сухуме был признан К. Шакрыл.

На заседании бюро КП Грузии 8 августа А. Мгеладзе заявил, что эту группу собрал К. Шакрыл и его за это следует строго наказывать (*Шьякрыл, 1991*). Именно у него отобрали партийный билет, который, правда, потом в ту же ночь вернули.

Г. Лежава инициаторами постановки указанных вопросов перед ЦК ВКП(б) считал Г. Сердюченко и К. Шакрыл (*Лежава, 1997*).

З. Папаскири назвал авторов письма «К. С. Шакрыл и его команда» (*Папаскири, 2010*).

М. Делба считал, что группу научных работников, выступивших «с явно буржуазно-националистическим тезисом о недопустимости нарушения этнографической целостности абхазского населения» возглавлял К. Шакрыл (*Делба, 1951*).

Г. Дзидзария и Б. Шинкуба 5 ноября 1953 г. в письме на имя руководителей ЦК КПСС, секретарей ЦК КП Грузии и Абхазского обкома сообщали следующее: «Издевательства распоясавшихся горе-руководителей дошли до того, что один из нас, т. Шакрыл К. С. был и вовсе выжит из пределов Абхазии» (*Абхазские письма, 1994*). То же самое говорится в письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии от 19 марта 1955 г. с той лишь разницей, что вместо «горе-руководителей» назван Мгеладзе (*Дзидзария, 2006*).

В конце концов, под предлогом поступления в докторантуру АН СССР К. Шакрыл вынужден был фактически бежать из Абхазии в отсутствие первого секретаря А. Мгеладзе, который очень был раздражен тем обстоятельством, что его вообще выпустили. Это было в 1949 г. Он стал работать научным сотрудником в Институте национальных школ. В Москве он регулярно писал письма в ЦК ВКП(б) с изложением плачевной ситуации в Абхазии, подкрепляя их новыми фактами о дискриминации абхазской нации (*Шьякрыл, 1991*). Те посылали эти письма в Тбилиси – оттуда – в Сухум. В обратном направлении в ответ шла информация о том, что все, что изложено в письме не соответствует действительности, а их автор является сумасшедшим. К. Шакрыл вызывали в ЦК ВКП(б) и знакомили с текстами ответов на его письма, но это его не останавливало.

Судя по всему, именно это обстоятельство стало причиной еще одного сценария, разыгранного против Шакрыл в 1951 г. Г. Дзидзария и Б. Шинкуба в уже названном документе от 5 ноября 1953 г. писали: «В мае 1951 г. бывший секретарь Абхаз-

ского обкома Мгеладзе вызвал нас в свой кабинет и заявил, что т. Шакрыл К.С., который в это время находился в Москве, совершил тягчайшее преступление перед партией, на что имеется специальное сообщение из ЦК ВКП(б)... Впоследствии нам стало известно, что «преступление» т. Шакрыл заключалась всего лишь в том, что он обратился в ЦК ВКП(б) с новым заявлением в котором он повторил некоторые положения нашего совместного письма от 1947 г. и просил о снятии с него партийного взыскания. На днях нам также стало известно, что Мгеладзе состряпал тогда пасквильную клеветническую характеристику на т. Шакрыл; пытаясь обмануть вышестоящие органы, Мгеладзе постарался приписать т. Шакрыл самые чудовищные обвинения» (*Абхазские письма, 1994*). Практически то же самое за исключением небольших редакционных изменений было изложено и в письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии 19 марта 1955 г. (*Дзидзария, 2006*).

Сам К. Шакрыл впоследствии писал: «В мае 1951 г. в ЦК КП Грузии был распространен слух, будто я совершил какое-то тягчайшее преступление перед партией и народом... Тогда я уже третий год жил в Москве и имел тесную связь с Закавказским отделом ЦК ВКП(б). Когда в отдел поступили вышеуказанные документы из Грузии, меня вызвали познакомиться с ними. Я лично читал их. Конечно, это была явно преднамеренная провокация и грубейшая клевета, это подлость» (*Абхазские письма, 1994*).

Лежава, размышляя над «Абхазским письмом», делает следующий вывод: «Обстоятельства, связанные с написанием и последующим обсуждением письма Дзидзария, Шинкуба и Шакрыл, а также дискуссия по поводу оценки языковой и культурной политики Грузинской ССР в абхазской и юго-осетинской автономиях тесно связаны с борьбой марровской и антимарровской школ в языкознании, развернувшейся в тот период» (*Лежава, 1997*). Тем не менее, З. Папаскири пишет: «Уже не раз упомянутый нами Г.П. Лежава, досконально изучивший материалы, связанные с историей отправления жалобы абхазских ученых в ЦК ВКП(б), совершенно обосновано задает вопрос, почему письмо было направлено именно А. Кузнецову, курировавшему административный отдел и управление кадрами ЦК, а не А.А. Жданову, секретарю ЦК по агитации и пропаганде. Совершенно очевидно, и это хорошо показал Г.П. Лежава, что адресат был выбран не случайно, и что именно в аппарате А.А. Кузнецова находились люди, которые, возможно, даже сами спровоцировали «инициативу» абхазских ученых» (*Папаскири, 2010*).

Здесь нужно отметить, что указанный автор ссылается на работу Г. Лежава, где говорится следующее: «Создается впечатление, что проблемы, поднятые Г. Сердюченко и учеными из Абхазского института, ставились перед руководством ЦК ВКП(б) через секретаря ЦК ВКП(б) А. Кузнецова, курирующего административный отдел и управление кадрами ЦК. Однако их рассматривали по линии Управления агитации и пропаганды, которое курировал А.А. Жданов, а позднее М.А. Суслов. В дальнейшем, с этими же вопросами обращались к секретарю ЦК ВКП Г. М. Маленкову» (*Лежава, 1997*). И далее: «Имеется основание утверждать, что одним из спорных вопросов между А. Кузнецовым и А. Ждановым с М. Сусловым являлась языковая политика, проводимая ЦК КП Грузии в Абхазской АССР» (*Лежава, 1997*). Как видно здесь далеко идущих выводов и многозначительных вопросов с подтекстом вселенского заговора против грузинского ЦК нет. Более того, Лежава считает «вполне естественно, что Г.П. Сердюченко, активный сторонник и ученик Марра, получив материал, свидетельствующий в пользу защищаемой им теории, дал ему ход и активно поддерживал авторов письма». «При этом, – продолжает ученый, – удар был направлен не только против Л. Берия, бывшего секретаря ЦК КП Грузии, имевшего прямое отношение к национальной политике в Абхазии, но и против сталинской концепции в языкозна-

нии вообще. Этим, в частности, объясняется тот факт, что письмо в ЦК ВКП(б) было направлено не на имя Сталина, а передано секретарю ЦК А.А. Кузнецову» (*Лежава, 1997*).

Тем временем, 28 ноября 1949 г. был освобожден от обязанностей члена Оргбюро ЦК ВКП(б) (*Лежава, 1997*), арестован, а 1 октября 1950 г. – расстрелян А. Кузнецов. Это обстоятельство также послужило для очередного издевательства над авторами письма. В письме Г. Дзидзария в ЦК КП Грузии 19 марта 1955 г., в частности, сообщалось: «После того как невинно был репрессирован секретарь ЦК ВКП(б) т. Кузнецов, которому мы непосредственно адресовали свое письмо в ЦК ВКП(б), Мгеладзе, почему-то окрыленный этим случаем, в своих истерических официальных выступлениях неоднократно заявлял: «Вы обратились именно к Кузнецову. Это не случайно, конечно. Кузнецов – враг народа. Попробуйте теперь написать ему. Пишите» (*Дзидзария, 2006*).

Показательно, что на этом же заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 28 ноября 1949 г., где А. Кузнецова вывели из его состава, были утверждены на своих должностях: Чарквиани К.Н. – первым секретарем ЦК КП Грузии, Мгеладзе А.И. – первым секретарем Абхазского обкома КП Грузии, Делба М.К. – Председателем Совета Министров Абхазской АССР.

В дальнейшем в ходе «Лингвистической дискуссии» были разгромлен Марр и его учение о языке. В силу окончательной победы антимарровского направления в языкознании вопрос поступивших писем относительно ситуации в Абхазии и Южной Осетии 22 ноября 1950 г. был снят с обсуждения Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) (*Лежава, 1997*).

Откликом на погром марризма в Абхазии, очевидно, являлась статья М. Делба «К вопросу изучения языка и истории абхазов», изданная в 1951 году. В одном из первых фраз работы говорится: «Корифей марксистской науки товарищ И.В. Сталин вдребезги разбил основанное на принципах вульгарно-материалистической и идеалистической философии ложное, антинаучное учение Н.Я. Марра о языке» (*Делба, 1951*). Причем главная ошибка ученого состояла в том, что он изучал язык и историю абхазов «по преимуществу в отрыве от общей истории грузинского народа» (*Делба, 1951; Делба, 1951*). Причем интересно, что тот же М. Делба еще в 1937 г. называл Марра не иначе как «наш выдающийся полиглот, основатель нового учения о языке» (*Делба, 1937*) и «величайший лингвист нашей эпохи» (*Делба, 1937*). Однако времена изменились, и новая конъюнктура требовала других эпитетов. О том, что низложению марризма придавалось большое значение свидетельствует и то, что названная статья в том же 1951 г. была издана отдельной брошюрой (*Делба, 1951*).

Еще один штрих. Кому-то покажется, что можно было обойтись без него. Но в этом случае картина останется не полной, тем более на эту тему любят поговорить грузинские авторы. Это тема т. н. «признания» авторами письма его ошибочности... Следует сказать, что «покаянный» документ действительно существует и даже опубликован. Однако его подлинность вызывает, мягко говоря, большие сомнения. И вот по каким обстоятельствам.

Действительно Г. Дзидзария и Б. Шинкуба 5 ноября 1953 г. в письме на имя руководителей ЦК КПСС, секретарей ЦК КП Грузии и Абхазского обкома писали о том, что «поставленные в невыносимые условия, мы принуждены были даже заявить, в основном об ошибочности нашего заявления». Однако сознательно упускается из виду то обстоятельство, что перед этой «вожделенной» для многих грузинских апологетов непогрешимости грузин, фразой в письме сказано: «На основании фальшивых материалов этой «проверки» было организовано столь же антипартийное обсуждение нашего вопроса в таком духе, в каком это нужно было его организаторам для то-

го, чтобы скрыть свои преступления, а нас дискредитировать в глазах партийной общественности республики и ЦК ВКП(б). А рассмотрение нашего вопроса в ЦК КПГ, которое продолжалось в течение 5 часов, походило скорее на пытку, нежели на действительное обсуждение» (*Абхазские письма, 1994*). Кроме того, названный «покаянный» документ датирован 2 августа 1947 года, а в приведенном письме признание ошибочности упоминается после факта всеобщего осуждения, чего 2 августа не могло быть.

Кроме того, после первого разговора Шария с авторами письма 5 августа 1947 г., К. Шакрыл на правах старшего предложил своим более молодым друзьям, с учетом всех обстоятельств подумать еще раз (*Шьякрыл, 1991*). Возникает вопрос: как К. Шакрыл мог предложить своим более молодым коллегам еще раз подумать по поводу признания ошибочности своего письма 5 августа, если все они еще 2 августа уже подписались под заявлением об ошибочности своего письма?

Тем не менее, З. Папаскири, не особо напрягая себя моральной стороной вопроса, продолжает: «Впоследствии (1991 г.) один из авторов жалобы К.С. Шакрыл выступил с опровержением и стал утверждать, что его подпись под «признанием», является подделкой» (*Папаскири, 2010*). При этом ни на минуту не задумывается, что подделкой может являться тот документ, на который он ссылается как на истину последней инстанции.

Сам К. Шакрыл, узнав о существовании этого документа, писал: «Она никому не адресована. На ней стоит дата 2 августа 1947 г. Но к этому времени мы абсолютно ничего не знали о судьбе нашего заявления. Только 5 августа мы узнали о реакции на наше заявление, когда из ЦК Грузии приехал в Сухуми секретарь ЦК по идеологии П. Шария и вызвал нас в Абхазский обком партии на собеседование... 8 августа 1947 г. состоялось обсуждение нашего вопроса на бюро ЦК КП Грузии, на котором наше заявление было признано дезинформацией ЦК ВКП(б), на нас было наложено строгое партийное взыскание. Невольно напрашивается вопрос: за что же нас так строго наказали, если мы письменно «признали» ошибочным свое заявление? ... То, что в распоряжении бюро не было этой рукописи – отказа от заявления, говорит о том, что она тогда еще не была сочинена» (*Абхазские письма, 1994*).

Более того, он заявил: «Отказ от нашего заявления в ЦК ВКП(б) равносителен предательству и измене своему народу. Это означает оправдать национально-культурный геноцид, проводимый тогдашним руководством Грузии и Абхазии» (*Абхазские письма, 1994*).

У меня, в отличие от грузинских деятелей, нет никаких логически мотивированных причин не доверять этим словам одного из патриархов национально-освободительного движения абхазского народа К.С. Шакрыл.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Авидзба Аслан Фазлыбеевич

Доктор исторических наук, заместитель
директора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
E-mail: aslanavid@mail.ru

Avidzba Aslan Fazlybeevich

Doctor of Historical Sciences,
Deputy Director
D.I. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Research
E-mail: aslanavid@mail.ru

Литература

1. Абхазские письма. 1947-1989 Т. 1. Сухум. 1994. 528 с.
2. Берия Л.П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании тбилисского партактива 21-22 июля 1935 г. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 287 с.

3. Делба М. К вопросу изучения языка и истории абхазов // Труды АБИЯЛИ. XXIV. Сухуми. 1951. 11 с.
4. Делба М. Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулия. Сухуми. 1937. 63 с.
5. Дзидзария Г.А. Труды. 3. Сухум. 2006. 286 с.
6. Лежава Г. Между Грузией и Россией. М. 1997. 348 с.
7. Папаскири З. Абхазия. История без фальсификации. Тб. 2010. 595 с.
8. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 года. Стенографический отчет. 2-7 июля 1953 г.
9. Шьякрыл К. Кəархəу Ак əа. 1991. 200 с.
10. Эпоха Ардзинба. Стамбул. 2009. 303 с.

References

1. Abkhaz letters. 1947-1989 (1994). Т. 1. Sukhum. 528 p.
2. Beria L.P. (1936). On the question of the history of Bolshevik organizations in the Transcaucasus. Report at the meeting of the Tbilisi party activists on July 21-22, 1935. Partizdat of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 287 p.
3. Delba M. (1951). On the issue of studying the language and history of the Abkhaz // Proceedings of Abiyali. XXIV. Sukhumi. 11 p.
4. Delba M. (1937). Founder of Abkhaz literature Dmitry Gulia. Sukhumi. 63 p.
5. Dzidzaria G.A. (2006). Proceedings. 3. Sukhum. 286 p.
6. Lezhava G. (1997). Between Georgia and Russia. M. 348 p.
7. Papaskiri Z. (2010). Abkhazia. History without falsification. TB. 595 p.
8. Plenum of the Central Committee of the CPSU. July 1953. Verbatim record. July 2-7, 1953.
9. Shyakryl K. (1991). Кəархəу Ак əа. 200 p.
10. The era of Ardzinba. (2009). Istanbul. 303 p.

Поступила в редакцию

1 июля 2020 г.